

Лизать — это исключено!

Ся Фу стремглав отдернула палец, вспыхнула до самых ушей и, опустив голову, продолжила стирать кровь и грязь с его тела. Хайдевин заторможенно щелкнул зубами, словно пытаясь удержать во рту оставшееся сладковатое тепло.

— Послушай, раз уж ты очнулся...

— ...Мм?

Воротник рубашки юноши был расстегнут, стройные руки бессильно раскинулись по сторонам. Прислонившись спиной к стене и избавившись от большей части следов крови, он демонстрировал сквозь прорехи порванной ткани необычайно здоровую кожу нежного медового оттенка.

Услышав это, его слегка расфокусированные зеленые глаза медленно переместились с потолка на лицо девушки. Взгляд замер, и из носа вырвался короткий, приглушенный и хриплый звук.

— Можешь сам почистить свои раны? — произнесла Ся Фу. — Я уже помогла тебе стереть кровь с самых заметных мест и наложила мазь, но твои ноги... и рана на животе, эм, давай-ка с этим ты справишься сам.

— Хорошо.

Хайдевин опустил взгляд и ответил с легким помутнением в сознании, совершенно не соображая, что делает. Получив сигнал о том, что тело больше не находится в опасности, он, судя по всему, снова пал жертвой собственного истощения: даже попытавшись собрать оставшиеся силы, он смог лишь едва шевельнуть пальцами.

Сквозь туман в глазах заметив протянутое девушкой полотенце, он на секунду задумался, а затем просто опустил голову, приоткрыл рот, ухватился за край зубами и, словно щенок, вцепившийся в кость, неторопливо потянул его к себе.

Ся Фу:!

— Стоило ли вцепляться зубами! — в ужасе Ся Фу вытащила полотенце изо рта Хайдевина. Заметив, что она тянет руку, юноша не оказал никакого сопротивления и лишь послушно приоткрыл рот, причем уходящее полотенце даже зацепилось за его острые зубы.

Ся Фу остолбенела.

Спасите, этот парень и правда невероятно похож на щеночка!

Остановив Хайдевина, Ся Фу зажала полотенце в руке и помрачнела, глядя на его сонное, явно совершенно обессиленное лицо.

Прежде чем сознание вновь погрузилось во мрак, юноша машинально мотнул головой, изо всех сил стараясь расслышать испуганный голос над ухом.

— Тогда отдохни еще немного, но спать с ранами тоже нельзя. Если ты не против... тогда я дотронусь до тебя?

Молчание.

Хайдевин никак не отреагировал, лишь ресницы слегка дрогнули — словно дали безмолвное разрешение.

Впрочем, даже будь он в полном сознании, он бы с бесстрастным лицом согласился на требования девушки: дотрагиваться до его тела разрешалось кому угодно, если только это не была бета-женщина.

— Вот же, Отто еще говорил, чтобы я как следует поиздевалась над тобой.

Подождав немного и не дождавшись никакой реакции, Ся Фу, смертельно смущаясь, но все же не в силах совладать с беспокойством, просунула два пальца под расстегнутую рубашку, после чего с сердитым видом поднесла полотенце к его животу.

Тело молодого человека было исполнено юношеской силы; в особенности область живота — там отчетливо проступал рельеф упругих, рельефных мышц, лишенных малейших признаков жира. Альфы во время драок друг с другом, не доходящих до убийства, больше всего любят целиться именно в такие места, поэтому они сплошь были покрыты синяками разных размеров.

— И надо было так сильно ранить себя, — не смея задерживать взгляд и заливаясь краской, Ся Фу попыталась заглушить собственное смущение непрерывным бормотанием. — Разве можно запускать раны, еще и издеваться над кем-то?

Когда чужие руки коснулись его кожи, Хайдевин слегка нахмурился, и его дыхание невольно участилось.

Похоже, от чрезмерного смущения девушка забыла контролировать силу. Хотя он давно привык к боли, в нынешнем полубессознательном состоянии он все же инстинктивно сжал зубы и попытался увернуться.

Ощувив, как напряглись мышцы под ее ладонью, и чувствуя, как жар от тела словно пробивается сквозь полотенце прямо к ее коже, Ся Фу испуганно замерла. Придя в себя, она виновато прошептала:

— Прости, сделала больно?

Ай, Хайдевин ведь не мог ей ответить!

Сказав это, Ся Фу тут же с досадой сообразила, что недавнее подергивание было, скорее всего, непроизвольной нервной реакцией организма. Тем не менее она постаралась действовать осторожнее и наконец спокойно закончила обрабатывать раны на его животе.

За это время мышцы под ее руками сжались еще несколько раз.

— Прости, я совсем не умею обращаться с ранами, — закончив с тяжелым трудом, Ся Фу вытерла пот со лба и поднялась на ноги.

Почувствовав, что чужое присутствие отдалилось, Хайдевин по-прежнему лежал бледный, с плотно закрытыми глазами, но его дыхание постепенно выравнивалось.

— Эх, если я причинила тебе боль... — девичий голос продолжал что-то бормотать себе под нос.

Хайдевин какое-то время блуждал в мыслях, прежде чем его опустошенный разум медленно

обрел капли рассудка.

Дело было вовсе не в боли.

Ощущая, как невесть откуда взявшийся внутренний отклик постепенно сходит на нет, Хайдевин в растерянности не находил ответа и мог лишь молча отвечать ей про себя.

Сначала было немного больно, но для него это не составляло труда стерпеть, а затем ее прикосновения стали мягче.

Однако он не понимал, почему от последующих нежных касаний девушки его тело вновь охватывала дрожь — словно привыкнув к свирепым укусам и жестоким ударам судьбы, он совершенно разучился переносить бережное обращение, какое обычно проявляют к маленьким животным.

Хайдевин не мог взять в толк, что это значит. За все свои восемь лет жизни никто и никогда не прикасался к нему подобным образом: все, чем удостаивали его тело окружающие, сводилось лишь к бессмысленным унижениям и побоям.

Если бы его заставили вспомнить недавние ощущения, он бы смог лишь молча вспомнить накативший само собой жар, разлившийся по всему телу.

А еще —

Его кончикам зубов отчаянно хотелось обо что-нибудь впиться, в них ощущался какой-то странный зуд, думалось ему.

В тот самый вечер, когда Хайдевину привели домой, Ся Фу все ломала голову над тем, как его устроить на ночлег — в конце концов, нельзя же позволить ему вечно спать на полу! И тут ей пришло сообщение от Отто.

— Человека я притащила... Что говоришь, спрашиваешь, как следует ли я над ним поиздевалась?

Услышав это, пушистые каштановые волосы Ся Фу едва ли не встали дыбом. Потеряв всякое терпение, она развернула камеру комлинка на лежащего на полу обессиленного Хайдевину:

— Он же в таком виде! По крайней мере, сейчас нельзя говорить о таком!

— Ой, а ситуация-то и правда выглядит неважно.

Отто лишь вздохнул, потеряв всякий интерес к Хайдевину, и бесцеремонно приказал белочке развернуть камеру на саму Ся Фу — взъерошенная белочка казалась еще круглее и была невероятно мила. Отто с улыбкой полюбовался её пухлыми щечками, а его пальцы невольно дрогнули — словно он уже потянулся сквозь экран, чтобы ущипнуть её за лицо.

— Но, Ся Фу, если память мне не изменяет, ты ведь приняла работу именно для того, чтобы издеваться над ним, верно? Почему же теперь ты так усердно о нём заботишься? Ему ведь ничто не угрожает.

— Но... но ведь его раны очень серьезные! Он только что лежал в лихорадке, — Ся Фу, полная тревоги, попыталась воззвать к здравому смыслу молодого господина.

— Откуда в тебе столько мягкосердечия? — Отто с насмешкой поддразнил её. — Тогда мне придется вычесть из твоей оплаты золотые монеты. Тебя это устроит?

Всего-то десять золотых! Разве это важнее человеческой жизни?

Ся Фу твердо смотрела на него своими карими глазами, плотно сжав губы, и всем своим видом выражала решимость.

— Если лечить его по твоим стандартам, придется возиться с ним не меньше десяти дней, — безразлично подсчитал Отто. — Значит, ты потеряешь как минимум сто золотых.

Всего... всего-то сто золотых! Она на подработках... э-э... за пару лет это вернет...

Ся Фу на мгновение растерялась, но тут же собралась. Она по-прежнему смотрела на него твердо, хотя в глазах уже дрожали слезы, и веки покраснели — совсем как у белки, у которой злобный хулиган отнял орехи.

«Хулиган» остался непреклонен:

— К тому же, твое рабочее рвение оставляет желать лучшего. Ты меня совсем не радуешь. Так что, если через десять дней я найду кого-то более подходящего на роль мучителя Хайдевина, я тебя уволю. А если прикинуть, Сяо Фу, что ты потратила впустую десять дней моего времени, не должна ли ты мне еще сотню монет сверху?

Сказав это, Отто добавил с поистине злодейской усмешкой:

— Сяо Фу, ты ведь не хочешь, чтобы после того, как ты задолжаешь мне, тебе пришлось отрабатывать этот долг на меня?

Услышав такие жестокие слова, решимость Ся Фу мгновенно испарилась. Её пушистые каштановые волосы поникли, и она пролепетала со слезами на глазах:

— ...Как ты можешь быть таким!

Если она будет должна Отто сто золотых, сколько же ей придется работать, чтобы накопить на поездку на Голубую Звезду из другого мира?

Отто, увидев её выражение лица, не смог сдержать смеха. Вдоволь посмеявшись, он решил немного утешить свою «белку»:

— Ладно, я не какой-нибудь демон. То, что от тебя требуется, довольно просто. Дай-ка

подумать... раз уж ты не хочешь, чтобы его состояние ухудшилось, тогда...

Отто погладил себя по подбородку, вспоминая симптомы фобии Хайдевина. Его алые глаза тут же азартно блеснули, он щелкнул пальцами:

— Обними его?

Ся Фу: «?»

— Об... обнять его? — Ся Фу заикаясь повторила просьбу, и её лицо при виде Отто залилось краской. — Разве можно? Он ведь парень... то есть альфа! К тому же, он даже не пришел в сознание, разве это не...

Разве это не странно? Она совсем не хотела прослыть какой-то странной особой в глазах человека, находящегося без сознания...

— Что тут такого стыдного? — Отто приподнял бровь, с недоумением глядя на внезапную застенчивость Ся Фу. — Между вами ведь нет особой разницы, что такого в обычном объятии?

Какая еще нет разницы? Ся Фу едва не опустила покрасневшее лицо к самой груди. Она не могла раскрыть ему правду, ведь в глазах такого молодого господина бета была существом, не способным вызвать двусмысленных чувств, просто кем-то вроде представителя того же пола. Но ведь она — девушка...

— Можно спросить почему? — прошептала Ся Фу, едва слышно. — Почему ты вдруг этого требуешь? У тебя должна быть хоть какая-то причина.

Отто не собирался ничего скрывать и ответил довольно небрежно:

— А, всё потому, что Хайдевин до ужаса боится бет. Одной из причин, почему я поручил тебе ухаживать за ним, было как раз это. Ты сможешь ему побороть эту слабость, находясь рядом. Преодолев этот психологический барьер, он сможет вывести свои силы на новый уровень — для Хайдевина это благо. Я знаю, что ты не умеешь издеваться, но просто потрогать его время от времени ты ведь сможешь?

— У-у, но...

— Сто золотых монет, — растягивая слова, с улыбкой напомнил Отто.

— 3-знаю! — Ся Фу сердито зыркнула на него, затем, следуя требованию, установила терминал на столе так, чтобы он захватил их обоих, и в нерешительности присела перед Хайдевином. — Прости...

Хайдевин снова услышал голос девушки, полный извинений. Он медленно пошевелил ресницами, пытаясь поднять взгляд, но сколько бы ни старался, в его затуманенных глазах двоилось и кружилось всё вокруг.

— Я не причиню тебе вреда, это всё Отто...

Вместе с мягким голосом, полным сожаления, её объятие — с ароматом леденцов и мыла — коснулось его кожи, и она тут же отстранилась.

В тот миг Хайдевину показалось, будто облако опустилось к нему в объятия. Его мысли всё еще оставались в пустоте, но неопытное тело невольно вздрогнуло. Юноша тяжело задышал, бессознательно прикусив кончик языка, чувствуя, как нарастает странный зуд в деснах.

Хочется что-то укусить — эта мысль снова возникла у него в голове.

Он не чувствовал никакого страха, лишь зудящее возбуждение. Кожа на затылке даже слегка горела, из-за чего тело отреагировало непроизвольно — эта реакция была почти сильнее и ярче, чем та, что обычно возникала при виде бет.

Затем Хайдевин услышал довольный смех Принца, который хвалил некую Ся Фу за хорошую работу.

А...

В этот момент мысли Хайдевина замерли. Поняв, что произошло, он ощутил лишь недоумение. Почему эта странная девушка обняла его? Из-за приказа Принца? Зачем?

Еще долго после этого, сидя с закрытыми глазами и опираясь на стену, Хайдевин с нахмуренными бровями пытался разобраться в этом вопросе, который словно застрял в его заторможенном сознании.

Он не мог понять. Что же он сделал такого, за что Принц решил его вознаградить?

<http://bllate.org/book/21001/2135280>